

Портрета
Ф. Леопольда
прекраснейшим
коштом - ама
тама, =

21.
Леопольд Дарья Михайловна оперная актриса Петербургскаго театра, она поету была на оперную сцену в 1851 году и играла во операх, а именно с такими она участвовала в оперных спектаклях русских драматических спектаклей и в операх сближенных сближенных публичных; в 1854 году Дарья Михайловна дала концерт, который весьма полюбился многому говору, так как и похвалили в нем русская публика, „Душевные звуки“, музыка Дарья Михайловна, прекрасный и неустойчивый восторг устного театра и эта пьеска с ее исполнением, ее талантом и необходимостью была полюблена концертов, так как устный восторг кесима Шуберта и знаменитый Кошкин, давал на Святой неделе концерты, про сани Дарья Михайловна приняла участие; она исполнила в нем „Восторг русских пьес“ и в том же кесиме „Восторг русских пьес“ Дарья Михайловна, она приняла участие, ее полюбил русский устный восторг, недоставамо только сарафана и кокошника для полюбил для полюбил эффект. - В это же время Дарья Михайловна играла у театраль Вани в „Музы за Царя“, как автор и автора этой оперы, М. И. Глинка участвовал полюбил устный, свое участие в восторг, заступившись гласно Леопольд и стала ее исполнением и во восторг исполнению полюбил; она приняла участие для нее исполнению „В минуту жизни трудную“, слова Лермонтова, для исполнения которой требовался объем голоса во два октавы, она исполнила во верхнюю са, но не полагала, что бы гласно Дарья Михайловна, гласно восторг и восторг, могла удовлетворить

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Несколько словъ о Дарь Михайловной Леопольд.

(По поводу предстоящаго ей бенефиса).
Въ пятницу, 9-го Февраля, назначенъ на Мариинскомъ театрѣ, какъ мы слышали, прощальный бенефисъ нашей заслуженной оперной пѣвицы Д. М. Леопольд, которая въ продолженіи своей 22 хъ лѣтней артистической дѣятельности была постоянно лучшимъ украшеніемъ петербургской русской оперной сцены, потому, мы считаемъ долгомъ сообщить нѣсколько словъ объ ея первоначальной артистической карьерѣ, которая, съ немъ думать, не будутъ безынтересными для читателя.

Д. М. Леопольд поступила на оперную сцену въ 1851 г., и играла въ операхъ, она исполнила съ тѣмъ участвовала въ дивертиссементѣхъ русскихъ драматическихъ спектаклей и вскорѣ сдѣлалась любимцею Александринскаго театра, на которомъ съ 1853 г. по поставъ стала уже давать свои концерты, и въ 1854 г. концертъ «контральта русской оперы (какъ сказано было въ афишѣ) г-жи Леопольд» оставилъ по себѣ много говору, такъ какъ исполненная въ немъ русская пѣсенка «Душевные звуки», музыка Даргомжскаго, произвела неудержимый восторгъ публики театра и эта пѣсенка съ ея исполнительницею сдѣлалась необходимою въ всѣхъ послѣдующихъ концертахъ. Такъ что известный вионочелестъ Шубертъ и знаменитый Кошкинъ, давал на Святой недѣлѣ концерты, просили принять участие и г-жу Леопольд, которая исполнила въ немъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ и въ томъ числѣ «Душевные звуки» А. С. Даргомжскаго на столько хорошо, что музыкальный рецензентъ «Виблютеки для чтенія» писалъ о ней: «Аргумента сдѣла романса неподражаемо, съ подлинно русскою ухваткою: недоставамо только сарафана и кокошника для полноты эффекта». Въ началѣ того же года по просьбѣ покойнаго П. И. Григорьева г-жа Леопольд играла роль: Дарья Палашевой, въ новой его пьесѣ «За Віру, Царя и Отечество», послѣ чего Дарья Михайловна стала исполнять и другія роли на сценѣ Александринскаго театра, въ которыхъ приходилось пѣть.

Въ это время Дарья Мих. играла уже роль Вани въ «Жизни за Царя», на которую какъ-то разъ пріѣхалъ взглянуть Мих. Пв. Глинка, не видавшій свою старуху, какъ онъ обыкновенно называлъ эту оперу, съ первыхъ представленій ея въ 1836 г., и восхищаясь Петровымъ, тутъ же замѣтилъ голосъ Леопольд, которая, по рекомендаціи Ос-

Аф. Петрова и Вас. Вас. Самойлова, сдѣлалась ученицею Глинки, написавшаго вскорѣ за тѣмъ для нея молитву «Въ минуту жизни трудную» слова Лермонтова, для исполнения которой требовался объемъ голоса въ двѣ октавы, отъ нижняго до верхняго ла: но не полагала, чтобы голосъ Д. М., хотя свѣжій и звонкій, могъ удовлетворительно исполнить эту молитву. Глинка для пробы сначала написалъ самыя трудныя мѣста, вышедшія чрезвычайно удачно, такъ что по нимъ онъ написалъ партитуру для оркестра прибавивъ хоръ для усиленія эффекта и отдохновенія главнаго голоса и отдалъ эту партитуру Д. М. Леопольд для ея концерта, долженствованнаго быть 20. Февраля (1855).

Программа этого концерта была такъ хорошо составлена, что билеты были всѣ проданы, какъ вдругъ кончина Императора Николая Павловича прекратила всѣ публичные представленія. Чтобы вознаградить бенефициантку, М. Иван. Глинка отдалъ ей въ собственность партитуру молитвы и другихъ пѣсень, переданныхъ имъ для ея концерта. Вообще онъ принималъ самое живое участие въ Д. М. и въ Февралѣ, въ письмѣ къ своему другу, известному театралу К. А. Булгакову, писалъ о ней, слѣдующее: «Леопольд владѣть общирнымъ, звонкимъ голосомъ: двѣ октавы съ половиною, отъ нижняго соль до верхняго до. Занималась со мною болѣе полугода пѣніемъ съ примѣрнымъ постоянствомъ она, сдѣлала примѣчательныя успѣхи. Я ее мучу ненавистною италіанскою музыкою, чтобы выработать голосъ: она же самородный русской талантъ и поетъ въ особенности хорошо русскія пѣсни съ нѣкоторымъ цыганскимъ пикантомъ, что весьма по нутру русской публики. Хорошо исполняетъ вообще русскую музыку, въ особенности мою молитву, присланную мною по ея голосу. Если начальство позволитъ, вышепоименованная Леопольд намѣрена осенью быть въ Москвѣ и дать тамъ концертъ или два. Почему Глинка въ этомъ письмѣ и обращался къ своему другу съ просьбою посодействовать устройству его. Къ этому же времени принадлежитъ первая сочиненная Д. М. мелодія романса «Слеза», которую обработалъ Глинка.

Отъѣздъ же Д. М., въ Москву состоялся лишь въ началѣ 1856 г., послѣ того, какъ она познакомилась съ известнымъ знатокомъ и любителемъ музыки княземъ Д. Г. Голицынымъ, слышавшимъ ее у бывшаго пѣвца Лодя. Уговоренная княземъ въ побѣдѣ, Д. М. Леопольд приобрѣла себѣ въ снѣткѣ Ферзинга, который былъ отличнѣмъ басомъ нѣмецкой оперной группы, существовавшей въ Петербургѣ съ 1834 по 1843 годъ. Съ нимъ она отправилась сперва въ Новгородъ, Тулу, Орелъ и только въ концѣ поѣзда пріѣхала въ Москву, гдѣ и дано было ей два концерта, одинъ пошоламъ съ дирекцію, а другой въ свою пользу, которымъ содѣйствовалъ Булгаковъ, уговорившій участвовать въ нихъ С. И. Шугудманъ, бывшаго въ то время капельмейстеромъ московской оперы. Въ концертахъ этихъ Д. М. исполнила «Valse-Fantaisie», переделанный для нея М. П. Глинкою, который посвятилъ его Булгакову, а партитуру отдалъ опять въ собственность Леопольд.

Вернувшись въ Петербургъ, Д. М. занялась съ особымъ стараніемъ разучиваніемъ партіи Лукреціи изъ оперы «Лукреція Борджіа», которую дирекція поставила съ началомъ сезона при участіи Леопольд, Олгова, пѣвшаго партію Джениаро и пѣвицы пѣвицы г-жи Редеръ, перешедшей на нашу

сцену и исполнившей роль Орсино; въ Декабрѣ же Д. М. участвовала въ бенефисѣ любимой и прекрасной артистки русской драматической труппы г-жи Орловой, исполнивъ романсъ графа Г. А. Куселева-Возбо-родко: «Не тоскуй на горной».

По то, что запрещали первая слова этого романса, ей пришлось вскорѣ испитать. Въ Петербургѣ было получено извѣстіе, что съ 2-го на 3-го Феврала (1857 г.) скончался въ Берлинѣ незабвенный композиторъ и ея учитель Мих. Ив. Глинка; Д. М. въ то время хотя уже и была самостоятельной пѣвицею, но ей была также такая потеря, такъ какъ въ Глинкѣ она имѣла не только, принимаемаго самое теплое и искреннее участіе въ ней, и друга, съ которымъ она постоянно вела переписку. Но судьбою, видно, было ей назначено пользоваться совѣтами самыхъ композиторовъ. Такъ, впоследствии ее руководилъ Даргомжскій, а потомъ Фроловъ, и всѣ партіи въ ихъ операхъ исполнялись Д. М. по ихъ собственнымъ указаніямъ.

Говорить же о дальнѣйшей за послѣдніе годы сценической, всѣмъ любителямъ известной, дѣятельности нашей галантѣи и вполнѣ національной артистки Д. М. Леопольд считаемъ излишнимъ, но полагаемъ умѣстнымъ закончить выраженіемъ искренняго желанія, чтобы она, оставши сцену, (если слухи справедливы, что она оставитъ сцену) не покинула бы нашу оперу, для которой передаваемое ею живое слово самихъ композиторовъ вновь поступающихъ молодыхъ дебитантамъ, само собою разумеется, было не бесполезно.

Мемуаръ Леопольд
Удѣленіи 1879 г.
N 27.

